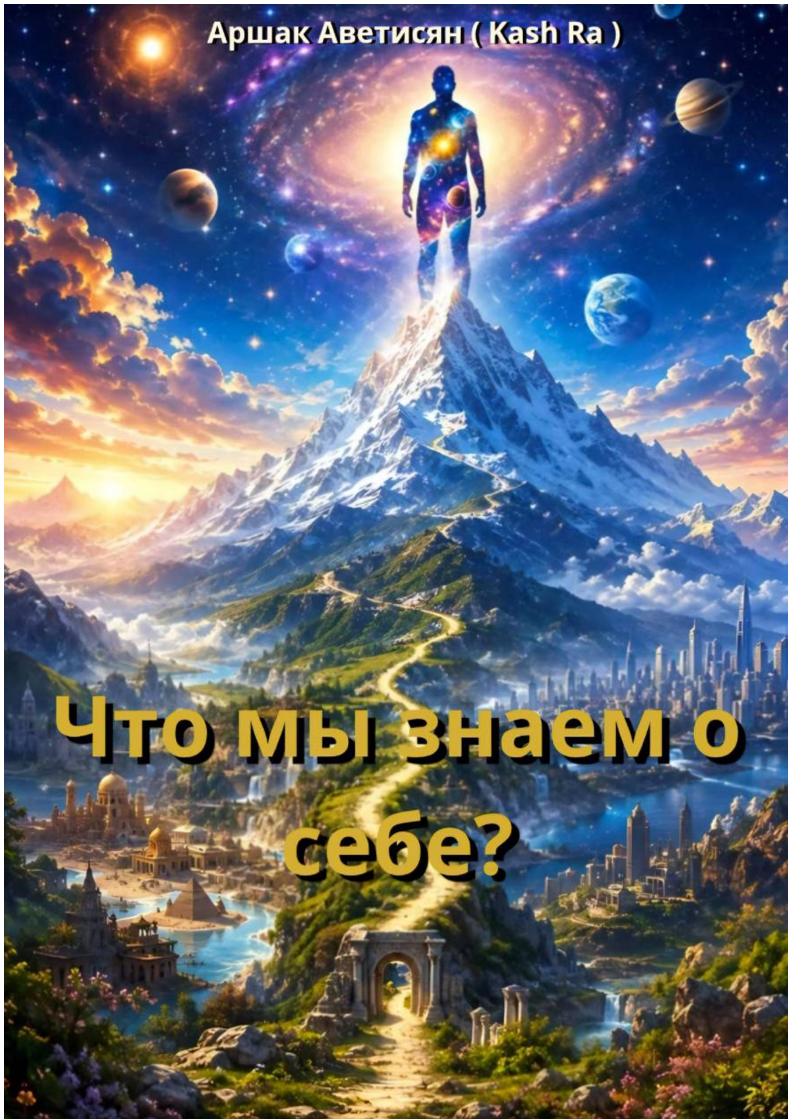

Аршак Аветисян (Kash Ra)

**Что мы знаем о
себе?**

Arshak)

Что мы знаем о себе?

<https://litres.ru/74425619>

SelfPub; 2026

Аннотация

Группа совершенно разных людей — буддист, христианин, мусульманин, каббалист, учёный-материалист, молодой человек, водитель и гид — случайно оказываются вместе в микроавтобусе, застрявшем в снежной буре на альпийском перевале. Вынужденная остановка превращается в многочасовой разговор, в котором они шаг за шагом проходят весь путь человеческого сознания: от первых мифов Шумера и Египта через Кришну, Моисея, Зороастра, Будду, Христа и Мухаммада — к синтезу, предложенному Шри Ауробиндо и Матерью. Это не спор религий и не проповедь. Это попытка увидеть единую эволюционную линию за всеми различиями и понять, куда может двигаться человек дальше. Книга написана в живой повествовательной форме и обращена к тем, кто ищет смысл не в готовых ответах, а в честном совместном поиске.

Содержание

Благодарность	4
Глава 1 Пассажиры одного микроавтобуса	5
Глава 2. Эволюционный путь сознания	14
Глава 3. Дыхание, заставляющее всё жить	21
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Arshak Avetisyan (Kash Ra)

Что мы знаем о себе?

Благодарность

Arshak Avetisyan (Kash Ra). 1.08.2026 г.
arshakavetisian@gmail.com

Автор выражает благодарность за помощь в исследовании исторических материалов, структурировании текста, переводе и художественном оформлении книги с использованием современных технологий искусственного интеллекта.

Глава 1 Пассажиры одного микроавтобуса

Часть 1. Альпийский перевал

Зима 2025 года. Горная дорога в австрийских Альпах, недалеко от Инсбрука. В небольшом конференц-центре в посёлке рядом с Зеефельдом проходил двухдневный межрелигиозный форум «Традиции и современность: диалог о смысле».

Организаторы подошли к логистике современно: автоматическая система бронирования на сайте распределяла гостей по трансферам из аэропорта абсолютно случайно. Никто и представить не мог, что этот слепой цифровой алгоритм закроет в одном пространстве Mercedes Sprinter людей, чьи миры веками искали ответы на один и тот же вопрос.

Когда микроавтобус выезжал из терминала, хлопья снега мирно и плавно опускались на лобовое стекло, создавая ощущение уютной европейской сказки. Но стоило машине въехать вглубь горного ущелья, как буран резко ужесточился. За окном завыл ветер, а видимость упала до нескольких метров. За рулём сидел Франц, местный водитель лет пятидесяти, крепкий, немногословный, в вязаной шапке, а рядом с ним — помощник-гид Софи, миловидная студент-

ка Зальцбургского университета, подрабатывавшая на трансферах. Она легко переходила с английского на немецкий, помогала с багажом и отвечала на вопросы о дороге.

Внезапно машина остановилась. Двигатель продолжал тихо работать, согревая салон печкой, но Софи, вернувшись после короткой разведки, тихо шепнула Францу: «Впереди сошел пласт снега. Дороги нет. Буря усиливается». Развернуться назад на узком серпантине в условиях нулевой видимости было чистым самоубийством. Оставалось только одно — ждать снегоуборочную технику.

Пассажиры в салоне еще не знали, что гигантский оползень уже перекрыл дорогу и позади них, наглухо заперев их в этом снежном плену. Они не знали, что им предстоит провести в этом микроавтобусе больше двадцати часов.

Все ехали на один и тот же форум. Никто из них раньше не был знаком. Это были:

Сорокалетний Тензин, буддийский монах из монастыря в Швейцарии, сидел в простой тёмной куртке, наброшенной поверх шафрановой рясы. Напротив него устроился отец Михаил — православный священник из Сербии, мужчина средних лет с аккуратной окладистой бородой. Чуть дальше расположились тридцатипятилетний Юсуф, преподаватель исламской этики из Вены, и Эли — тихий, погруженный в себя пятидесятилетний каббалист из Иерусалима в тонких очках. Рядом с ними сидела доктор Анна Берг, физик-теоретик из Мюнхена, убежденная материалистка.

И только на самом заднем сиденье, у окна, сидел молодой тридцатилетний мужчина из Еревана по имени Аршам, с правильными чертами лица и добродушной улыбкой.

— Дальше пока нельзя, — сказал Франц спокойно. — Техника безопасности. Ждём, пока снегоуборщики пройдут или видимость чуть улучшится.

Двигатель оставили работать на холостых, чтобы греть салон. Фары светили в белую круговерть. Снаружи было тихо и гулко одновременно — только шум ветра и падающего снега. Сначала все просто сидели. Кто-то достал телефон, но связь была слабой. Софи предложила термос с чаем, который возила на такие случаи. Чашки пошли по кругу.

Разговор начался буднично.

— Хорошо, что не застряли на самом перевале, — заметил Юсуф. — В прошлый раз в Турции у меня так было. Три часа ждали.

Отец Михаил кивнул:

— У нас в горах тоже бывает. Главное — не нервничать.

Тензин улыбнулся:

— Снег всё равно падает, есть мы здесь или нет. Можно просто посидеть.

Доктор Берг посмотрела в окно и пожала плечами:

— С точки зрения физики всё предсказуемо: влажный воздух, низкая температура, орография гор. Просто неприятно для логистики.

Эли тихо добавил:

— В каббале говорят, что всё происходящее имеет внутренний смысл. Даже вынужденная остановка.

Франц, не отрывая глаз от дороги, буркнул:

— Смысл простой: чтобы никто не вылетел в кювет. Я двадцать лет вожу по этим дорогам.

Софи засмеялась:

— А я за эти полгода уже привыкла. Иногда пассажиры начинают спорить о политике, иногда молчат весь путь. Сегодня, похоже, будет разговор.

Аршам с мягкой улыбкой наблюдал за всеми.

Никто не мог выйти — снаружи мело так, что через десять шагов уже терялась машина. Двери открывать не хотелось: холод сразу заползал внутрь. Оставалось сидеть, пить чай и говорить.

Так и вышло. Сначала обсуждали погоду и опоздание на вечернюю регистрацию. Потом кто-то спросил, кто на какую секцию записался. А дальше разговор сам свернул к тому, зачем каждый из них вообще едет на этот форум. Никто никого не уговаривал и не проповедовал. Просто шесть разных взглядов и два местных человека оказались в одном тёплом салоне посреди снежной бури, и времени девать было некуда.

Часть 2. Шумеры

Разговор, как часто бывает в таких вынужденных паузах,

сначала крутился вокруг простых вещей. Кто откуда прилетел, кто какой доклад готовил, кто уже бывал на подобных встречах. Юсуф рассказывал о венских студентах, которые всё чаще задают вопросы о смысле ритуала. Отец Михаил вспоминал сербские монастыри зимой. Тензин улыбался и почти не говорил, только иногда произносил короткие фразы, от которых становилось чуть тише внутри.

Эли долго молчал, глядя в тёмное стекло, где бешено кружились снежинки. Потом вдруг произнёс:

— Самое странное, что все мы ищем одно и то же, только разными путями. А началось это очень давно. Раньше, чем большинство привыкло думать.

Анна Берг повернула голову.

— Вы о чём?

— О Шумере, — спокойно ответил Эли. — О настоящей колыбели. Города Эриду, Урук, Ур. Шумеры жили на юге Месопотамии — на территории современного южного Ирака, в междуречье Тигра и Евфрата. Их города — Урук, Ур, Эриду и другие — были одними из первых настоящих городов человечества.

Письменность, первые мифы о сотворении, о потопе, о богах, которые были слишком похожи на людей и одновременно совершенно другими. Примерно с 4000 года до нашей эры и до 1750-го. Раннединастический период — двадцать девятый–двадцать третий века до нашей эры. Они жили бок о бок с ранним Египтом почти тысячу лет.

Анна кивнула:

— Даты в целом верные. Урукский период с четвёртого тысячелетия, изобретение письма около 3600–3500 годов. Археология это подтверждает.

Разговор углубился. Эли говорил о самых первых мифах человечества, записанных ещё в Междуречье на глиняных табличках. Они начинались именно с ужаса перед великой водной бурей, которая стирала привычный мир. Шумеры первыми попытались осмыслить этот страх. Для них природа была не просто физикой и не просто волей Единого Бога. Она была полем битвы колоссальных, капризных сил. Их боги насылали потоп, потому что люди «слишком шумели» и мешали им спать. Человек шумерской эпохи чувствовал себя крошечной песчинкой, игрушкой в руках грозных стихий. Единственное, что он мог сделать — попытаться построить свой маленький упорядоченный мир, свою цивилизацию-колыбель, и молить богов сменить гнев на милость. Даже Гильгамеш, искавший бессмертие, в конце концов понял: боги оставили жизнь себе, а людям отдали смерть. Гильгамеш — это легендарный (и, возможно, исторический) царь города Урук, герой древнейшего из дошедших до нас эпосов. В „Эпосе о Гильгамеше“ рассказывается о его дружбе с Энкиду, о страхе смерти и о тщетных поисках бессмертия.

Именно в этот момент, когда разговор о древнем ужасе уже набрал силу, Анна вдруг замолчала на полуслове. Она смотрела внутрь себя. Пальцы стиснули край сиденья.

— Мне... кажется, душно, — произнесла она неровным голосом. — И сердце... странно.

Одышка накатывала быстро. Холодный пот выступил на лбу. Дыхание стало коротким и рваным. Глаза расширились от внезапного страха.

Софи мгновенно открыла аптечку. Бинты, пластыри, жаропонижающее, антисептик, мягкое успокоительное... но именно средства от сердечных симптомов или острой одышки не оказалось. По досадной невнимательности его просто не доложили.

— Нет нужного, — растерянно сказала Софи. — Связи почти нет.

В салоне поднялось волнение. Отец Михаил наклонился вперёд. Юсуф достал телефон. Тензин смотрел напряжённо. Эли побледнел.

Тогда Аршам впервые поднялся.

Он встал без спешки, прошёл между сиденьями и сел на край соседнего кресла так, что его голова оказалась чуть ниже головы Анны. Взял её запястье и тихо произнёс:

— Смотри на меня. Только на меня. Дыши вместе со мной.

Он начал дышать медленно, глубоко, ровно, с короткими секундными остановками на вдохе и на выдохе. Его состояние было абсолютно спокойным.

Анна постепенно начала ловить этот такт. Вдох... пауза... выдох... пауза. Через несколько минут одышка отступила,

сердце выровняло ритм.

Когда Анна уже дышала почти нормально, Аршам тихо сказал:

— Всё в порядке. Тело умеет возвращаться. Ему только нужно напомнить.

Кто-то негромко пробормотал:

— Если бы телу можно было напомнить, оно бы не болело. А болезнь вокруг — вдоль и поперёк.

Аршам мягко улыбнулся, отпустил запястье и, направляясь на своё место, ответил:

— Вот в этом и загвоздка. Мы не можем поверить в возможности тела, потому что не знаем его.

Он сел и замолчал.

В салоне сразу поднялся тихий ропот.

— Мы должны верить в Бога, в Создателя, — сказал отец Михаил, — а не в какое-то тело и его будто бы скрытые возможности.

Юсуф кивнул:

— Тело — всего лишь сосуд. Настоящая сила — только у Воли Всевышнего.

Эли осторожно заметил:

— В каббале тело считается священным инструментом... но источник всё же выше.

Тензин тихо произнёс:

— Тело возникает и исчезает. Привязанность к нему — одна из причин страдания.

Аршам молчал с мягкой улыбкой.

Тогда Анна, всё ещё бледная, но уже с ясными глазами, укоризненно обвела взглядом говоривших:

— Мы же все только что видели, что произошло. Быть может, в словах этого молодого человека есть какая-то истина? Но если честно... я сама пока не склонна поверить, что смогла как-то «напомнить» своему телу о чём-то.

В салоне снова повисла тишина.

Именно тогда Аршам снова заговорил — спокойно и тихо:

— Шумеры полностью отождествляли себя с телом. Для богов (в понимании шумеров) это тело не имело настоящей ценности — оно было лишь инструментом, который шумит, работает и мешает спать. Когда тело начинало умирать, человек оказывался почти ничем.

И сегодня, когда тело вдруг даёт сбой, в нас мгновенно поднимается тот же самый древний ужас: «Я — только это тело. Если оно ломается — меня больше нет». Мы до сих пор несём в себе этот первый, архаический страх. Все дело в сознании, в человеческом самоосознании.

Он замолчал.

В салоне стояла глубокая тишина. Каждый остался внутри своих переживаний. Слышен был только ровный гул мотора и вой ветра за стёклами.

Снег продолжал падать.

Глава 2. Эволюционный путь сознания

Долгое молчание после слов Аршама тянулось густо и тяжело. Снег за окнами всё ещё падал, но уже реже. Мотор ровно гудел.

Франц первым не выдержал. Он повернулся полубоком, опираясь локтем на спинку сиденья, и сказал громче обычного:

— Господа, господа... я объявляю бойкот. Почему вы все замолчали? Не каждый день встречаешь людей, которые в одном месте и в каком-то смысле олицетворяют всё человечество. Я горю желанием и предвкушаю продолжение этого интригующего разговора.

Тензин чуть приподнял бровь и спокойно спросил:

— А вы билеты купили на спектакль?

Софи быстро поднялась со своего места, широко улыбнулась, развела руками и, слегка кланяясь, сказала:

— Да, да, купили! А я режиссёр этого спектакля.

Затем жестом и взглядом она указала на Аршама:

— Предлагаю спросить у молодого человека, куда и как движется человеческое самоосознание.

Все посмотрели на Аршама. Он слегка наклонил голову и

ответил спокойно:

— В таком случае нам ничего не остаётся, как проследить за эволюционным историческим ходом развития нашей цивилизации. Думаю, многоуважаемый господин Эли расскажет нам.

Эли чуть задержался, собираясь с мыслями, и заговорил:

— Если шумеры остановились на ужасе перед капризными силами природы и почти полном отождествлении человека с бранным телом, то египтяне сделали следующий заметный шаг.

Анна сразу поддержала:

— По времени это действительно следующий большой пласт. Объединение Египта произошло примерно около 3100 года до нашей эры. И эта цивилизация просуществовала более трёх тысяч лет.

Эли продолжил, стараясь говорить понятно:

— Египтяне стали иначе относиться к телу. Они считали, что его нужно сохранить. Отсюда мумификация. Для них тело было не просто оболочкой, которая исчезает. Они верили, что человек состоит из нескольких частей, — Ка, Ба.

«Ка» — это жизненная сила, своего рода двойник человека.

«Ба» — это то, что можно назвать душой, которая может покидать тело и возвращаться.

Были и другие составляющие. Человек впервые начал ясно мыслить себя существующим и после смерти физическо-

го тела. Появился суд бога Осириса, где сердце умершего взвешивали на весах. Если сердце оказывалось слишком тяжёлым от плохих поступков — человек не получал продолжения жизни.

Он сделал паузу и добавил:

— И появилось понятие «Маат». Это не просто богиня. Маат — это порядок, истина, справедливость и космическое равновесие. Всё во вселенной должно соответствовать Маат. Человек уже не только беспомощная игрушка стихий, как у шумеров. Он становится участником этого большого порядка. Хотя всё ещё очень зависимым участником.

Тензин тихо сказал:

— Значит, страх смерти уже не такой окончательный?

Юсуф кивнул:

— Но боги по-прежнему грозные. С головами животных — сил природы. Только теперь эти силы встроены в единый порядок.

В салоне наступила короткая пауза.

Анна вдруг произнесла, глядя перед собой:

— Если так смотреть... Шумеры, потом Египет... Это ведь не просто разные народы и религии. Это будто ступени одного пути.

Отец Михаил медленно кивнул:

— И дальше, наверное, тоже есть продолжение.

Юсуф потёр переносицу:

— Тогда можно попробовать выстроить всю линию?

Тензин слегка улыбнулся:

— А зачем останавливаться на середине?

Франц хмыкнул:

— Теперь уж и я заинтригован по-настоящему.

Софи села, но глаза её блеснули:

— Значит, продолжаем до конца?

Аршам только едва заметно кивнул.

Эли посмотрел на всех:

— Если мы действительно хотим понять, как двигалось человеческое самоосознание, тогда имеет смысл пройти весь путь. Методично.

Анна уже открыла заметки в телефоне:

— Тогда я буду следить за хронологией, чтобы мы не путались.

Сначала возникли небольшие споры о последовательности и датах. Анна спокойно уточняла. Постепенно картина прояснилась. Она записала и вслух произнесла весь порядок:

Шумеры (примерно 4000–1750 гг. до н. э.)

Древний Египет (примерно 3100 г. до н. э. – 30 г. до н. э.)

Ведический период и Кришна (традиционно около 3100 г. до н. э.; академически Rigveda примерно 1500–1000 гг. до н. э.)

Моисей (традиционно XIII–XV вв. до н. э.)

Зороастр (примерно X–VI вв. до н. э.)

Будда (V–IV вв. до н. э.)

Христос (I век н. э.)

Мухаммед (VII век н. э.)

И то, что идёт после... до наших дней.

Никто больше не предлагал закончить разговор.

Никто не отстранился.

В тесном салоне микроавтобуса посреди занесённого снегом перевала восемь человек приняли решение пройти весь эволюционный путь сознания — до конца.

Снег за окном почти прекратился.

Путь только начинался.

Глава 3. Дыхание, заставляющее всё жить

Часть 1. Что такое сознание

После того как лестница эволюционного пути была произнесена вслух и принята всеми, в салоне снова воцарилась тишина. Не тяжёлая, как раньше, а более собранная.

Аршам чуть подался вперёд и тихо сказал:

— Позвольте задать вопрос. Нет ли у кого-то из нас внутреннего конфликта после того, как эти ступени стали явными?

Несколько секунд никто не отвечал. Потом отец Михаил тяжело вздохнул:

— Есть. Небольшой. Словно что-то внутри сопротивляется. Привычка держать свою традицию единственной и окончательной.

Юсуф кивнул:

— Да. Чувствую напряжение. Хотя разум понимает, что речь не о том, чтобы что-то отнять.

Эли добавил тихо:

— В каббале мы говорим о ступенях. Но когда видишь их выстроенными так... появляется лёгкое беспокойство.

Тензин только слегка наклонил голову, подтверждая, что

и он чувствует это движение внутри.

Аршам подождал немного и сказал спокойно:

— Это только попытка понять пройденный путь человека. Без предвзятости. Она никак не может ущемить вашу глубокую внутреннюю привязанность к своим верованиям. Напротив. Ваше смелое и добровольное согласие смотреть шире только раскрывает уважение к вашей мудрости.

Все молча приняли эти слова. Напряжение заметно ослабло.

Тогда Аршам задал второй вопрос:

— А что для вас сознание? Как вы можете его сформулировать? Кто является его носителями?

Разговор вспыхнул сразу.

Анна сказала твёрдо:

— Сознание — продукт сложной организации материи. В первую очередь мозга. У камня или воды сознания нет.

Франц поддержал:

— Это просто природные процессы. Химия, физика. Не больше.

Отец Михаил возразил:

— Сознание даровано человеку Богом. Животные имеют душу иного порядка. А неживая материя — нет.

Юсуф добавил:

— Сознание принадлежит тому, кто способен ответить перед Творцом.

Эли говорил осторожнее:

— Всё пронизано светом. Но степень его проявления разная.

Тензин сказал коротко:

— Есть ум. Есть осознание. Всё остальное — потоки причин и следствий.

Споры шли живые, но без агрессии. Наконец Софи, которая до этого только слушала, посмотрела на Аршаму:

— А как бы вы сами это сформулировали?

Аршам ответил тихо:

— Я отвечу словами Матери Мирры Альфассы.

Сознание — это дыхание, заставляющее всё жить.

Наступила короткая тишина.

Юсуф спросил:

— Хорошо сказано. Она... мусульманка?

Анна предположила:

— Скорее всего, турчанка.

Тензин наклонил голову:

— Позвольте узнать, о ком вы говорите?

Аршам ответил просто:

— Это та, о ком я только что сказал — Мать, Мирра Альфасса. Кардинал Эжен Тиссеран, посетивший Индию в 1953 году и позже сопровождавший Папу Павла VI в 1964-м, был глубоко впечатлён и впоследствии защищал её и Ашрама. Мать также рассказывала о тонком духовном контакте с Павлом VI перед его визитом в Индию.

Он замолчал, давая словам осесть, и продолжил:

— Сознание присутствует на всех уровнях. В самой мельчайшей частице, в атоме, в молекуле, в камне, в воде, в растении, в животном и в человеке. Разница только в степени и качестве проявления.

Франц сразу покачал головой:

— В неживой материи сознания нет. Это просто законы природы.

Анна поддержала:

— Нет никаких научных доказательств, что у камня или воды есть сознание.

Аршам не спорил. Он только сказал:

— Есть наблюдения. Японский исследователь Масару Эмото показывал, как вода под влиянием разных слов и состояний образует при замерзании либо гармоничные кристаллы, либо хаотичные, разрушенные формы.

Софи кивнула:

— Я читала об этом. Снимки действительно очень разные. Разговор снова зашёл в тупик. Тогда Аршам предложил:

— Позвольте рассказать одну историю.

Голос его стал чуть мягче.

— Когда-то жили четыре брата. Они очень любили друг друга, но часто спорили. Однажды старший услышал, что в далёкой долине растёт необыкновенное дерево, и отправился посмотреть на него. Это было ранней весной. Дерево стояло всё в ярких красных цветах — будто огонь поднялся из земли. Брат долго смотрел и вернулся взволнованный:

«Я видел чудо. Это дерево — сплошное пламя из цветов».

Через некоторое время второй брат решил проверить. Он пришёл летом. Цветов уже не было. Дерево стояло густое, тёмно-зелёное, полное силы. Он вернулся и сказал:

«Ты ошибся. Никакого пламени нет. Это могучее зелёное дерево».

Третий брат пошёл осенью. Листья стали золотыми и багряными, а на ветвях покачивались длинные стручки. Он заявил:

«Вы оба неправы. Это дерево с жёлтыми листьями и странными плодами».

Четвёртый пришёл зимой. Дерево стояло голое, только чёрные ветви чётко рисовались на белом снегу. Он покачал головой:

«Вы всё выдумали. Это просто сухое чёрное дерево».

Братья стали горячо спорить. Каждый защищал то, что видел своими глазами, и не хотел слышать других. Ссора становилась всё сильнее.

Тогда их старый отец, который молча слушал, сказал:

— Милые мои, вы спорите зря. Вы видели одно и то же живое дерево. Но каждый пришёл к нему в свой срок. Весна, лето, осень и зима — это только разные лица одного существа. Пока каждый из вас будет держаться лишь за свой кусочек правды, вы так и останетесь в раздоре. А если сможете сложить все четыре видения вместе — тогда вы наконец узнаете дерево таким, какое оно есть на самом деле.

Аршам умолк.

Франц через некоторое время спросил:

— Простите, но о чём эта история?

Тензин ответил спокойно и тепло:

— О правильном понимании вещей. Все четверо видели одно и то же дерево, но каждый видел только то, что открылось ему в его момент, и не хотел принимать то, что видели другие.

После этих слов в салоне повисла глубокая, уже не напряжённая тишина.

Вскоре каждый начал устраиваться для отдыха.

Юсуф совершил вечернюю молитву. Отец Михаил тихо молился по своей традиции. Тензин тоже. Аршам сидел прямо, ноги на полу, спина ровная, глаза закрыты — просто присутствовал. Никто не нарушал эту тишину.

Позже Тензин мягко изменил позу и продолжал оставаться в ясном покое. Аршам ещё долго сидел неподвижно с прямой спиной, потом облокотился на спинку сиденья и тоже ушёл в сон.

Снаружи снег уже почти не шёл.

Ночь закрывала перевал.

Часть 2. Правильное суждение

Утро пришло резко и чисто.

Тучи ушли. Небо над перевалом стало высоким и ледяным. Солнце ещё не показалось из-за хребтов, но свет уже был жёстким и прозрачным. Мороз стоял крепкий — дыхание сразу превращалось в белый пар.

В салоне было прохладно. За ночь двигатель несколько раз глушили, чтобы экономить топливо, и тепло частично ушло. Все проснулись голодными. Вода в термосах закончилась ещё к полуночи.

Франц первым открыл дверь. Холод ударил в лицо.

— Выйдем, — сказал он. — Проветриться.

Все один за другим вышли из микроавтобуса. Снег скрипел под ногами. Воздух был резким, чистым и ледяным. Каждый глубоко вдохнул. Кто-то зачерпнул горсть снега и растёр им лицо и руки. Холод мгновенно прояснил головы и разбудил тела. Несколько минут они просто стояли на перевале, глядя на ослепительно белые склоны и высокое чистое небо. Потом молча вернулись в салон.

Франц молча набрал в небольшую кастрюльку чистого снега с крыши и поставил её на маленькую туристическую горелку, которую всегда возил с собой. Снег начал медленно оседать и превращаться в воду.

Пока вода нагревалась, каждый по своему обычаю обратился к утренней молитве или внутренней тишине.

Юсуф совершил намаз.

Отец Михаил тихо молился.

Тензин сидел прямо, с закрытыми глазами.

Аршам сидел ровно, ноги на полу, спина прямая, глаза закрыты.

Никто никого не торопил и не нарушал эту тишину.

Только после этого Аршам поднялся, открыл дверь в багажный отсек за салоном и достал аккуратно свёрнутый рюкзак. Из него появились:

- несколько больших листов тонкого армянского лаваша,
- плотный белый сыр панир с лёгким запахом чебреца,
- сладкая сытная гата,
- пол-литровая банка тёмного мёда,
- такая же банка топлёного масла гхи,
- одноразовые ложки и бумажные стаканчики.

Он разложил всё на небольшом откидном столике и тихо сказал:

— Пожалуйста.

Франц достал из своего ящика хороший листовой чай и небольшой запас сахара.

— Раз уж так вышло, — буркнул он, — то чай будет нормальный.

Сначала все просто смотрели. Потом Софи улыбнулась, отец Михаил перекрестился, Юсуф тихо произнёс короткую благодарность. Даже Анна кивнула с явным облегчением.

Ели медленно. Лаваш рвали руками, сыр оказался плотным и нежным, гата крошилась сладкими пластами, мёд и гхи добавляли тепла. Франц заварил крепкий чай. В салоне постепенно стало по-настоящему уютно.

Разговор шёл лёгкий, почти шуточный. Франц рассказывал, как однажды зимой на этом же перевале пассажиры пытались варить суп из снега и сухарей. Софи смеялась. Даже Тензин улыбался чуть шире обычного.

Когда основная острота голода прошла, Софи включила телефон. Связь появилась — слабая, но устойчивая. Она быстро нашла информацию и подняла глаза:

— Дорога перекрыта в трёх местах. Большие снежные завалы. Снегоочистительная техника уже работает, но пройдёт ещё несколько часов, возможно до полудня или дольше.

В салоне повисла пауза.

— Мы могли оказаться прямо под одним из этих завалов,
— тихо сказал Эли.

Отец Михаил кивнул:

— Но нас пронесло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.